

На вопросы руководителя
Издательской группы «Закон»
Владимира Багаева отвечает
**президент Федеральной
палаты адвокатов РФ**
Юрий Сергеевич ПИЛИПЕНКО

«АДВОКАТ НЕ МОЖЕТ СЧИТАТЬ СУД ВРАГОМ»

Родился 24 февраля 1963 г. в пгт Цементный Завод (ныне — г. Фокино Брянской области).

В 1990 г. окончил с отличием Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (ныне — Российский университет дружбы народов).

С 1991 г. — председатель Совета коллегии адвокатов Московской области «Юридическая фирма „ЮСТ“».

В 2001 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Судебная система Швейцарии», а в 2009 г. — докторскую по теме «Адвокатская тайна: теория и практика реализации».

С 2005 г. — член Совета ФПА РФ.

14 января 2015 г. избран президентом ФПА РФ.

Член Консультативного совета при Межведомственной комиссии по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, Совета по совершенствованию третейского разбирательства при Министерстве России, Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, Бюро Президиума Ассоциации юристов России. Председатель президиума Арбитражного центра при Институте современного арбитража. Профессор кафедры адвокатуры и нотариата Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Доктор юридических наук. Автор более 30 научных работ.

— Юрий Сергеевич, сейчас высказываются разные идеи относительно того, как будет организовано представительство в суде и юридическая профессия в целом. Это и проект Верховного Суда РФ¹, и проект П.В. Крашенинникова², и концепция Минюста России³. Поддерживает ли Федеральная па-

¹ Постановление Пленума ВС РФ от 03.10.2017 № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона „О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации“».

² Проект федерального закона № 273154-7 «Об осуществлении представительства сторон в судах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты» (внесен в Государственную Думу 27 сентября 2017 г.).

³ Проект концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи. URL: <http://minjust.ru/>

лата адвокатов какой-то из этих документов или в равной степени приветствуются все?

— Вопросы, связанные с судебным представительством, не могут не находиться в фокусе нашего внимания. Если подумать, то, кроме адвокатов, судей и, пожалуй, государства как субъекта, устанавливающего правила, они вообще никого не должны особо интересовать. При советской власти никто, кроме адвокатов и редких юрисконсультов, в судах не выступал, и было бы логично, если бы и современная российская адвокатура стала тем институтом, представители которого имеют исключительное право представлять интересы граждан и организаций в суде. Но, как Вы помните, в начале реформ 1990-х гг. возобладала такая идея: рынок все подправит, все сложится само собой.

Справедливи ради нужно сказать, что авторами предложения о реформировании сферы оказания правовой помощи (не адвокатуры!) стали не мы, а Министерство юстиции. Министр еще 7 лет тому назад выступил с такой инициативой, и только теперь государство активно занимается реализацией этой идеи. Причем это проблема, скорее, государства и общества, а не отдельного адвоката. Для меня, как для человека, ранее практиковавшего, на самом деле особой разницы, может быть, и нет. Но мы же — институт, а значит, мы должны мыслить и действовать институционально. Мы исходим из того, что сфера правовой помощи должна быть адвокатской, как во всем цивилизованном мире.

— Почему?

— Потому что адвокаты институционально отличаются от других юристов, которые представляют интересы в судах на основании доверенности. У адвокатов есть несколько весомых отличий, которые должны быть интересны обществу и государству.

Первое: у нас нельзя практиковать без высшего юридического образования. А ведь сейчас в суды приходят иногда представители без диплома. Не буду спорить: кто-то из них, «автоюристы» например, действительно

набил руку на однотипных делах. Но судьи же жалуются, говорят: «Они не понимают процесс, не могут отличить материальные основания от процессуальных».

Второе: в адвокатуру можно попасть только при наличии как минимум двухлетнего стажа юридической практики. То есть человек, закончив специалитет или тем более бакалавриат, должен два года поработать, прежде чем идти сдавать наши экзамены.

Экзамены, кстати, это следующее отличие адвокатуры. И это не простая проверка качества вузовского образования, здесь есть своя специфика. Есть устная часть экзамена, где кандидат должен продемонстрировать, что он способен выступать в суде и что он понимает, как в одном деле, например, представлять интересы арендатора, а в другом деле — арендодателя.

— Насколько строг этот отбор?

— В среднем по стране экзамены успешно сдают примерно 70% претендентов. На мой взгляд, это хорошая цифра, потому что если бы сдавало 90%, то я бы считал, что у нас очень слабые требования. Если бы сдавало менее 50%, можно было бы говорить о том, что наши требования завышены. Понятно, что есть регионы, где к кандидатам проявляют более лояльное отношение. Но и там экзамен сдают 85%, все равно не 100. В Москве этот показатель составляет 50–55%, в области — примерно 60.

Четвертое институциональное отличие адвокатуры — наличие Кодекса профессиональной этики, т.е. требований к тому, как адвокат должен себя вести в процессе и вне его. И мы в последнее время эти требования конкретизируем, делаем их более тесно связанными с жизнью. Хотя есть недобросовестные люди, которые нас обвиняют в том, что мы их ужесточаем. Наоборот, предлагая матрицу, мы предупреждаем злоупотребления в конкретных случаях.

— Например, в том, что касается поведения в Интернете?

— Да, причем лично я признаю необходимость введения таких правил. Интернет, как показывает жизнь, делает

людей менее устойчивыми к крайним формам реакции и, как правило, в негативную сторону. Многое, что люди не позволяют себе при личном общении, в Интернете имеет место. Еще мы приняли стандарты участия адвоката в уголовной защите. А за нарушение правил профессионального поведения и норм Закона об адвокатуре⁴ у нас установлена дисциплинарная ответственность.

И пятое отличие адвокатуры: требования к повышению квалификации, установленные законом. Адвокат должен представлять в свою палату документально подтвержденные сведения о том, что сейчас он минимум 20 часов в год проходил профессиональное обучение — например, участвовал в конференциях или вебинарах, выписывал нашу профессиональную прессу, писал статьи, читал лекции.

Вот я Вам назвал ряд институциональных отличий адвокатов от юристов-неадвокатов. И мне кажется, что в этом наши преимущества. Как общество в целом может влиять на отдельных людей, так и мы, составляя все вместе единую профессиональную корпорацию, можем влиять на входящих в нее адвокатов. Государство заинтересовано в том, чтобы представители в суде подчинялись четко определенным правилам, входили в независимое профессиональное сообщество, к которому можно обратиться.

— Почему тогда адвокатура не привлекает независимых юристов, которые не занимаются уголовными делами и потому не имеют необходимости приобретать статус адвоката?

— Это не совсем правильная постановка вопроса. Бывает такое представление, что адвокатура — это, как правило, уголовные дела. Но это не так. Даже в советское время были адвокаты, которые вообще не касались уголовных дел и занимались только гражданскими вопросами — наследством, разделом имущества, разводами, авторскими правами и т.д. Процентов, наверное, 20 адвокатов были абсолютно неуголовными.

— Это меньшинство.

— Да, тогда это было меньшинство. Но сейчас ни в одном рейтинге Вы не найдете ни одной хоть сколько-ни-

⁴ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

будь заметной юридической фирмы, которая не была бы адвокатской. И в этих фирмах нет или почти нет «уголовников», зато есть адвокаты, которые занимаются арбитражным процессом или консалтингом. Они зачастую даже в суд не ходят, но все равно считаются адвокатами и с гордостью носят это имя.

— А что их привлекает в этом статусе?

— Есть несколько вещей, которые должны привлекать разумного человека. Для начала это — принадлежность к чему-то, что вызывает уважение. Возьмите, например, присяжную адвокатуру, которая, как мне видится, сделала для развития российской культуры не меньше, чем российская литература XIX в. Присяжных поверенных из зала публика выносila на руках. Люди специально приходили послушать Плевако, Карабчевского, Урусова, Спасовича. В то время еще не было театров и тем более торговых центров, и люди ходили в суд слушать выступления адвокатов. Залы были переполнены, приходилось слушать из коридора — и слушали же. Поэтому быть адвокатом, присяжным поверенным считалось очень престижным.

Далее, адвокаты являются специальными субъектами, в отношении которых законом установлен особый порядок производства по уголовным делам. Это означает, например, что рядовой следователь не может возбудить уголовное дело в отношении адвоката. Адвокаты обладают особыми иммунитетами, установленными для сохранности профессиональной тайны, которая является основой их отношений с доверителями. Адвокатскую тайну составляют любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи. Законом об адвокатуре установлено, что адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи доверителю (или в связи с обращением за ней), а оперативно-разыскные мероприятия и следственные действия в отношении адвоката возможны только на основании судебного решения. Более того, дополнительные гарантии сохранности адвокатской тайны введены новыми поправками в УПК РФ⁵, и теперь запрещается

⁵ См.: Федеральный закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

при обыске изъятие всего производства адвоката по делам его доверителей и любая фиксация входящих в него материалов, поскольку они являются предметом адвокатской тайны.

— Поправки возникли потому, что эту тайну нарушали...

— Я Вам скажу образно: это всё соревнования щита и меча.

|| В нашей стране щит всегда чуть слабее, чем карающий меч, по крайней мере по отношению к гражданам. Что с этим делать? Понимать, принимать и бороться в границах, установленных законом.

— Поясните, пожалуйста.

— Мы вместе с Советом по правам человека добились внесения поправок в УПК, о которых идет речь. И сейчас в Уголовно-процессуальном кодексе есть норма, согласно которой для проведения обыска, осмотра или выемки в отношении адвоката необходимо постановление суда, содержащее перечень «конкретных отыскиваемых объектов» — например, тех документов, которые планируется у адвоката изъять. Изъятие иных объектов (за исключением предметов и документов, изъятых из оборота) не допускается.

— А есть ли все-таки какие-то недостатки в статусе адвоката?

— Многие юристы без статуса, которые могли бы стать украшением адвокатуры, когда я их зову к нам, начинают объяснять, что им так выгодней, потому что, например, они зарегистрированы как индивидуальные предприниматели и платят 6-процентный налог на вмененный доход. Мы, адвокаты, платим НДФЛ, т.е. 13% от дохода. Это несправедливо.

— Может быть, начать реформу с того, чтобы убрать подобные дестимулирующие вещи?

— Боюсь, что в современных экономических условиях, когда профицита бюджета не наблюдается, вряд ли удастся это сделать. Но давайте будем честными: не такие уж у нас большие налоги. 13% подоходного налога — это не 40 или 50%, как в европейских странах.

— Тут еще есть эффект прогрессивной шкалы: такой высокий уровень доходов труднодостижим.

— Да, но адвокат должен предполагать, что у него должны быть высокие доходы.

— В Москве доходы адвокатов, юристов высокие, чего нельзя сказать о многих других регионах. Даже есть жалобы, что некоторые адвокаты существуют только на те деньги, которые получают за участие в делах по назначению.

— Такая проблема действительно есть. Но она порождена не адвокатами, а неравномерностью экономического развития. Не мы сделали так, что основной валовый продукт сосредоточен в Москве. Скажу Вам то, что я всегда говорю с большим сожалением и некоторым переживанием. Адвокаты — не очень богатые люди. Да, есть те, доходам которых можно позавидовать, но региональная адвокатура живет достаточно скромно и при этом в большинстве своем задействована в защите по назначению в порядке ст. 51 УПК. И получает 550 руб. за судодень — ставка, унизительная для элитной профессии. А сейчас в дополнение к этому еще негативно проявился институт сделки с правосудием.

— Он отбирает у адвокатов часть работы?

— 70% обвиняемых идут на сделку с правосудием. А оставшиеся 30% находятся в чересчур жестких условиях.

— К ним более суровое отношение?

— Да, их как бы дополнительно наказывают. Мы это видим и по срокам наказания, и по условиям содержания, и по многим другим вещам.

|| Непризнание вины является как бы отягчающим обстоятельством, и это большая проблема для общества.

Как говорил В. Шаламов, «это очень по-русски — радоваться, что невиновному дали пять лет. Могли ведь дать и пятнадцать».

— Известно ли, сколько сейчас практикует юристов вне адвокатуры? Это ведь люди, которыми

адвокатура должна пополниться в результате реформы.

— Количество практикующих юристов-неадвокатов часто преувеличивают, причем очень существенно. Говорят, например, что за последние 10 лет выпустили более 2 млн юристов и все они оказывают юридические услуги. Но это не так. Во-первых, половина из них имеет диплом какого-нибудь станкостроительного регионального вуза, где был юридический факультет. Они либо занимаются бизнесом, либо пошли работать в сферу, с юриспруденцией вообще не связанную. У нас в последнее время сильно разросся государственный аппарат, и я абсолютно уверен, что большая часть выпускников юридических вузов, т.е. те, кто получил более или менее качественное юридическое образование, нашли себя на госслужбе.

По многим оценкам, которые мне представляются отвечающими действительному положению дел, практикующих юристов без адвокатского статуса в нашей стране примерно столько же, сколько адвокатов, может быть, чуть больше, на процент.

— А сколько сейчас адвокатов?

— Количество адвокатов приближается к 80 тыс. Из них примерно 72 тыс. имеют действующий статус, т.е. оказывают юридическую помощь, остальные статусус приостановили по разным причинам.

Кстати, есть местности, в которых только адвокаты и оказывают юридическую помощь. Точно это знаю, потому что разговаривал с председателем одного из районных судов Брянской области. У него четверо судей под началом, а в районе пять адвокатов. Я спросил его, есть ли юристы-неадвокаты, которые профессионально занимаются судебным представительством. Он минут пять не мог понять, о чём я спрашиваю, потом подумал и сказал: «Да, был один. Прокурор из соседнего района вышел в отставку и начал подрабатывать. Подрабатывал он пару лет, пока не получил срок за мошенничество». И всё.

— В крупных городах, наверно, ситуация иная.

— Я вам расскажу про Московскую область. Коллеги решили исследовать, что будет, если концепция

Минюста будет принята и реализована в Московской области, в которой сейчас 5,8 тыс. действующих адвокатов. Они порайонно проанализировали потенциал вхождения юристов в адвокатуру и сказали: «Придут 800 человек, может быть, 1000, если считать с запасом, т.е. с учетом тех, кого мы не знаем, кто может переселиться сюда из других регионов».

Юристы-неадвокаты сосредоточены в основном в городах-миллионниках, а в экономически слабых регионах, где платежеспособный спрос на юридические услуги низкий, их почти нет.

— Как Вы относитесь к идее о том, что корпоративные юристы останутся вне адвокатуры?

— У нас уже было время, когда «адвокатская монополия» действовала в отношении представительства в арбитражных судах. И мы прекрасно знаем: многие подписывали фиктивные трудовые договоры, чтобы представлять компании в суде, не имея статуса адвоката. Но корпоративные юристы и сейчас не изъявляют желания стать адвокатами. Мы не настаиваем.

— Их желание, наверно, не будет решающим. Ведь есть свободно практикующие юристы, которые не хотят идти в адвокатуру. К ним не прислушаются, если будет реформа.

— Это концепция Минюста, а не Федеральной палаты адвокатов. Минюст считает, что корпоративные юристы не должны быть в адвокатуре. Адвокатура институционально — я всегда подчеркиваю это слово — заинтересована в том, чтобы концепция была реализована. Но, вообще-то, это дело государства. Нужно уже навести порядок в стране, потому что у нас на сегодня сложился дуализм: одна часть рынка юридических услуг урегулирована, другая — нет.

— Как будет реализована идея о том, что некоторые юристы могут фактически без экзаменов вступить в адвокатуру? В проекте концепции предусматривается, что при наличии пятилетнего практического опыта потребуется продемонстрировать только знание законодательства, регулирующего адвокатскую деятельность.

— Да, нужно принести, например, трудовую книжку, в которой будет написано, что человек 5 лет проработал юристом.

— То есть это не обязательно должна быть консультационная деятельность?

— Конечно. И можно принести не трудовую книжку, а какие-то другие документы, подтверждающие, что юрист был в суде. Например, определение суда, в котором этот человек указан представителем. Найти стаж — не проблема, мы это знаем, потому что требование о наличии стажа по юридической специальности установлено Законом об адвокатуре, который действует уже 15 лет. Только сейчас требуется двухлетний стаж, а концепция устанавливает пятилетний. Для нас это не проблема.

— В таком случае многие могут пойти в адвокатуру, тем более что это будет обязательно для того, чтобы представлять интересы в суде. Нет ли опасений, что на входе, так сказать, возникнет «пробка»?

— Ни малейших. Министерство юстиции предусмотрело достаточный срок для реализации концепции — 5 лет.

||| Мне кажется, что те 30, пусть даже 70 тыс. человек, которых мы теоретически ожидаем увидеть в своих рядах, за эти годы вполне успеют вступить в адвокатуру. Уже сейчас мы наблюдаем увеличение числа претендентов.

— В концепции есть еще такой пункт: если будет не хватать адвокатов на всех, то срок реформы будет продлен. Как выявить такую нехватку?

— Так у нас же не закрытая корпорация, в отличие от нотариусов, у которых есть квота. Если в адвокатуре не будет хватать людей, вероятно, помочь адвокатов станет стоить дороже, и тогда к нам начнут приходить инхаус-юристы. Вот здесь как раз можно говорить о «невидимой руке рынка».

— Как Вы считаете, нужно ли требовать уплаты вступительных отчислений от юристов, которые будут вступать в адвокатуру по упрощенной процедуре?

— Это вопрос достаточно щепетильный. Сейчас средний по стране размер вступительного взноса —

95 тыс. руб. Мы в свое время анализировали вопросы о том, какова природа этого отчисления и имеет ли региональная палата право его назначать. Пришли к выводу, что да, имеет, и для этого есть и логические, и правовые основания. Палата является некоммерческой организацией, у которой есть имущество, созданное за счет предыдущих поколений адвокатов. И адвокат, вступая в палату, должен внести отчисление, которое обеспечивало бы его право этим имуществом пользоваться. То есть в этом заложена некая компенсаторность. Но в то же время размер должен быть разумным. И было решено, что если отказаться от него мы не можем, то следует попытаться эту сумму откорректировать.

— Вы имеете в виду сумму отчисления при процедуре упрощенного приема?

— Да. Мы не готовы отказаться от того, чтобы вступающие в корпорацию адвокаты не делали вообще никакого отчисления. Мы обсуждали его размер года три назад, но создали рабочую группу по указанной проблематике на последнем Совете ФПА.

— А может быть такая ситуация, что люди, которые только вступили в адвокатуру, платят не вступительное, а повышенные регулярные отчисления?

— Да, в некоторых палатах этот так называемый взнос первого года разбивается на несколько платежей. А иногда рассрочка составляет даже два года.

— Нет ли несправедливости в том, что все пользуются общественными благами, которые предоставляет палата адвокатов, в равной степени, но одни за это платят больше, а другие — меньше?

— Другие уже заплатили. Они платили взносы на протяжении, скажем, 20 лет, и за их счет уже приобретено имущество — машина (это самое простое) или недвижимость, помещения для адвокатских контор. И пришедшие к нам «неофиты» тоже будут всем этим пользоваться.

— То есть они смогут прийти в палату и пользоваться этим имуществом?

— Конечно. Например, в Краснодаре у палаты есть большое помещение, в котором стоят 15 компьютеров

ров, и любой адвокат, приехавший из любого района Краснодарского края, имеет право прийти в палату, сесть за компьютер и поработать.

— Еще одно опасение, которое высказывается по поводу реформы, связано с возможностью чисток, когда будут убирать неугодных адвокатов.

— Ерунда. У нас сравнительно недавно было два громких сюжета, и теперь ими пугают всех остальных: конец мира, в адвокатуре чистка, неугодных лишают статуса и т.д. Но на фоне общих показателей эти два случая — статистическая погрешность. Цифры по дисциплинарным делам более чем красноречивы.

За последний год на адвокатов в органы адвокатского самоуправления поступило 13 963 жалобы. Из них признаны допустимыми 5288, т.е. заметно меньше половины. Прекращен статус 433 адвокатов, из них по представлениям органов юстиции — только 20 (вот она — независимость в действии!).

Среди оснований лишения статуса на первом месте — неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом решения органа адвокатского самоуправления (чаще всего — неуплата взносов). На втором — неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязанностей перед доверителем, за это исключены из корпорации 74 адвоката (20% всех решений, связанных с лишением статуса), из них 19 — за ненадлежащую защиту по назначению. 33 адвоката лишились статуса за совершение умышленных преступлений. И 72 адвоката лишены статуса за нарушение норм профессиональной этики. К этой категории относятся и башкирский и мордовский случаи.

Что важно, только 89 раз коллеги обращались с жалобой в суд, и всего лишь 15 раз суд жалобы удовлетворил. Такие вот, страшно сказать, «гонения».

— А что, на Ваш взгляд, характеризует систему в первую очередь? Такая статистика или, например, громкие дисциплинарные дела?

— Конечно, статистика. В громких делах, кроме резонанса, содержания немного. Если начать в них разбираться, то мы увидим, что речь в первую очередь идет о неисполнении или ненадлежащем исполнении

решений органов адвокатской палаты и Кодекса профессиональной этики адвоката⁶.

— Статистика показывает, что статуса лишают, как правило, за типовые вещи. Но откуда берутся громкие дела? Они ведь возникают из того, что основанием для лишения адвоката его статуса становится какой-то его поступок вне непосредственной адвокатской деятельности.

— Назовите пример, давайте его обсудим.

— Критика судов, например дело Виталия Буркина, — башкирский случай, о котором Вы говорили. В начале марта суд опубликовал решение, подтвердившее лишение его полномочий.

— Выскажу мое личное отношение к этому делу. Я уверен в том, что основания для возбуждения дисциплинарного производства здесь были. Мера наказания, может быть, и суровая, но, смотрите, какая история (говорю то, что знаю, — я не был участником этого дисциплинарного разбирательства, но доверяю своим коллегам). Человек не пришел на заседание квалификационной комиссии, потом пришел на Совет палаты и сказал примерно следующее: «Кто вы такие, чтобы оценивать мое поведение, если вы, выступая за суд, не понимаете, что суд — враг наш». Не знаю, в сердцах он это сказал или правда так думает. Если второе — он не адвокат.

Адвокат не может считать суд врагом как минимум потому, что адвокатура является частью системы правосудия.

Да, у нас с судом сложные отношения, есть масса недовольства по поводу судебных приговоров, решений. Но я не считаю, что адвокат вправе оскорблять суд и судей, а потом, когда его товарищи позовут его об этом поговорить, грубить им и заявлять, что суд — это враг, а они его пособники.

— Тут возникает вопрос о содержании, и форме. Вопрос содержания: можно ли в принципе критиковать институты, адвокатуру, суд?

— Можно.

⁶ Принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003.

— Тогда остается только вопрос формы.

— Не только формы, но и цели. К чему ты стремишься — кого-то оскорбить или что-то улучшить?

||| Если ты подкрепляешь свою критику серьезными аргументами и облекаешь ее в достойные формы, к тебе никто не предъявит претензий.

Позволю себе метафору. Если человек в суде говорит: «Я не убивал и прошу меня оправдать» — это одна история. А если он говорит: «Я убивал, убиваю и буду убивать, и не вам меня судить», то это совершенно другая история, и я даже соглашусь, что это может влиять на меру ответственности.

— Вы упомянули, что суды не могут быть врагами адвокатов и адвокаты не должны воспринимать

суды таким образом. А как сами суды воспринимают адвокатов, если их не пускают в суды? Как Вы к этой проблеме относитесь?

— Я говорил с Председателем Верховного Суда В.М. Лебедевым о том, что адвокаты, наверное, и шли бы в суды, но их не берут. Скажите, пожалуйста, может эта ситуация измениться одномоментно? Нет. Мы все живем в России. Меня, как президента Федеральной палаты адвокатов, беспокоит не среднее качество судей, а среднее качество адвокатов, их права и обязанности. Адвокатура не в силах сама изменить судебную власть. Но мы можем измениться сами и этим подтолкнуть ее к изменениям. Повлиять на судебную власть мы можем только своим профессионализмом. Я считаю, что каждый адвокат должен стать таким, чтобы судьям было стыдно вести себя с ним так, как это иногда встречается в нашей практике. И даже не иногда, а часто.